

Войдя в квартал Обширной Добродетели, Пэй Цзинсин уверенно повел Су Яня по хитросплетению улочек и переулков, пока они не остановились перед лавкой под вывеской «Павильон Парчи и Узоров».

— Хозяин этой лавки имеет связи при дворе, — негромко пояснил Пэй Цзинсин. — Добрую половину тканей для императорских швейных мастерских поставляет именно наш «Павильон». Зайдем, расспросим его. Вдруг удастся разузнать что-нибудь об Одежании Сотни птиц, поклоняющихся фениксу.

Су Янь, разумеется, спорить со столь сведущим проводником не стал. Кивнув, он последовал за ним под своды лавки.

Внутри выбирали ткани несколько покупателей. Заметив вошедших, к ним тут же с вежливой улыбкой поспешил молодой приказчик:

— Уличный посол Пэй! Какая честь. Вы зашли как раз вовремя: буквально на днях мы получили несколько рулонов редчайшего шелка.

Но ткани Пэй Цзинсина не интересовали.

— Я пришел по другому делу, — спокойно прервал он юношу. — Хочу заказать платье для своей бабушки.

Приказчик тактично подхватил разговор:

— О, тогда вы точно по адресу! Старая госпожа Пэй и прежде жаловала нашу лавку — хвалила богатство оттенков и нежность выделки. Какое именно платье вы бы хотели заказать?

— А у тебя хватит на это полномочий? — с мягкой усмешкой поинтересовался Пэй Цзинсин.

Юноша мгновенно все сообразил и закивал:

— Сию минуту, господин уличный посол. Обождите немного, я сейчас же позову управляющего.

Едва приказчик скрылся за занавесом, Су Янь негромко спросил:

— Разве мы пришли не ради поисков Одежания?

Пэй Цзинсин бросил на него лукавый взгляд:

— А как ты сам сегодня наставлял Хуайюя разузнать про Одеание во дворце?

Су Янь понимающе усмехнулся. Он, как и Пэй Цзинсин, предпочитал действовать обходными путями, издалека подбираясь к сути.

Управляющим «Павильона Парчи и Узоров» оказался бодрый, моложавый мужчина средних лет. Появившись из подсобных помещений, он расплылся в почтительной улыбке:

— Редкий гость в наших краях! Простите великодушно, господин уличный посол, что не встретил вас у самого порога.

Пэй Цзинсин ответил дежурным приветствием и перешел к делу:

— В следующем году моей бабушке исполняется шестьдесят девять лет. К этому торжеству я бы хотел преподнести ей особенный наряд. Раздумывая над подарком, я пришел к выводу, что лучше вашей лавки мне нигде не сыскать.

Управляющий, которого звали Чэнь Гуй, мгновенно почуял запах крупной наживы. Изгибаясь в поклоне, он засуетился:

— В таком случае прошу почтенного гостя пройти вглубь лавки. Там мы сможем обсудить все мелочи в тишине и покое.

Затем Чэнь Гуй бросил оценивающий взгляд на спутника своего гостя:

— Позвольте узнать, а кто этот молодой человек?

— Мой близкий друг, господин Су, — небрежно представил его Пэй Цзинсин.

— Ах, молодой господин Су! — Чэнь Гуй вежливо поклонился. Он лихорадочно соображал, перебирая в памяти влиятельные столичные семейства с фамилией Су, но так и не смог соотнести юношу ни с одним из них.

Впрочем, гость есть гость, и торговец ничем не выдал своего замешательства. Провожая визитеров во внутренние покои, он на ходу велел давешнему приказчику подать лучший чай.

— Значит, вы хотите заказать пошив платья именно у нас? — уточнил Чэнь Гуй.

Богатые столичные дома обычно держали собственных искусных портных. В лавки вроде «Павильона Парчи и Узоров» они обращались лишь за дорогим материалом, а шили уже у себя в усадьбах. Бабушка Пэй Цзинсина, супруга покойного эрла Инъю, жила на широкую ногу, и

при ней состоял целый штат личных мастеров. Оттого и возник логичный вопрос Чэнь Гуя.

— Всё верно, — подтвердил Пэй Цзинсин. — К шестидесятидевятилетию бабушки я готовлю три особых дара, и этот наряд должен стать главным сюрпризом. Надеюсь на вашу конфиденциальность, уважаемый управляющий Чэнь.

— Об этом можете не беспокоиться, — заверил торговец. — Мой рот на замке. Позвольте спросить, к какому фасону вы склоняетесь? Накидка, верхняя рубаша, праздничная юбка-жуцунь, дорожный плащ?

— Пожалуй, накидку на меху, — ответил Пэй Цзинсин. — Бабушка уже в летах, зябнет на сквозняках, но сидеть взаперти в четырех стенах не любит. Теплая накидка будет в самый раз. Нам не нужно излишней пестроты, главное — благородство ткани и глубокий, добрый смысл в узоре.

— Накидка — прекрасный выбор, — закивал Чэнь Гуй. — А какой именно посыл вы хотите заложить в рисунок? С юбилеем почтенной госпожи традиционно вяжутся пожелания долголетия. Быть может, вышить лазурные волны Восточного моря и вечнозеленые сосны Южных гор?

Пэй Цзинсин скептически покачал головой:

— Слишком избито. К тому же я планирую взять за основу нарядное алое сукно, а вкрапления зелени сосновых игл сделают вещь аляповатой, по-деревенски безвкусной.

Торговца придиричивость знатного клиента ничуть не смутила, а лишь сильнее раззадорила. Пытливый ум Чэнь Гуя мигом просчитал выгоду: чем больше капризов у молодого барина, тем круглее выйдет сумма в счете.

— Что ж, раз основа будет алой, — вкрадчиво заговорил Чэнь Гуй, — почему бы не заказать искусную вышивку золотой нитью? Пара летящих фениксов — прекрасный символ благословения и величия.

При упоминании феникса Пэй Цзинсин мысленно возликовал, но его лицо сохранило вежливую безучастность.

— Бабушка не жалуется помпезность, золотые птицы покажутся ей слишком вызывающими. А вот если обыграть сюжет «Сотни птиц, поклоняющихся фениксу»?

— Хм... — Чэнь Гуй озадаченно поскреб подбородок. — Но ведь в этом сюжете феникс по-прежнему остается центральной фигурой?

— Вовсе нет, — мягко возразил Пэй Цзинсин. — Самого феникса вышивать не нужно.

Достаточно лишь изобразить сонм самых разных птиц, устремивших взоры к воображаемому центру.

Управляющий понимающе прищурился:

— Великолепно! Роль сияющего феникса исполнит сама хозяйка праздника, а накидка лишь подчеркнет ее статус. Как тонко придумано! Ваша проницательность делает вам честь, господин посол.

Пропустив лесть мимо ушей, Пэй Цзинсин поинтересовался:

— Это лишь набросок идеи. Я никогда не видел подобных накидок вживую и с трудом представляю, как это будет смотреться на ткани. Найдется ли у вас в лавке нечто подобное, чтобы я мог оценить работу?

— Накидка с узором из сотни птиц? — Чэнь Гуй растерянno развел руками. — Увы, готовых изделий такого фасона у нас сейчас нет.

— А другие вещи? — не уступал Пэй Цзинсин. — Платья, шелковые рубахи, легкие шали? Подойдет любой наряд, лишь бы на нем красовался этот узор.

Чэнь Гуй перестал улыбаться, он явно чувствовал себя неловко перед выгодным клиентом:

— Простите великодушно, господин посол, но и платьев с таким мотивом у нас сейчас не сыскать.

Пэй Цзинсин с досадой вздохнул и сделал вид, что поднимается:

— Какая жалость. Что ж, тогда мне придется попытать счастья в Обители Изысканности.

«Обитель Изысканности» была главным и самым непримиримым конкурентом их «Павильона». Чэнь Гуй побледнел при мысли, что столь богатый гость унесет золото к соперникам, и зачастил, едва не хватая Пэй Цзинсина за рукав:

— Пойдите, господин посол, умоляю, не спешите уходить! Пусть готового наряда у нас нет, но в архивах «Павильона Парчи и Узоров» точно сохранились старые эскизы этой вышивки. Если пожелаете, я разыщу их в ближайшие дни и велю швеям сделать пробный образец на лоскуте, чтобы вы лично оценили мастерство. Как вам такое предложение?

Пэй Цзинсин шел на этот разговор без особой надежды, желая лишь нащупать хоть какую-то ниточку. Услышав про старые эскизы, он замер. Выдержав томительную паузу и заставив Чэнь Гуя изрядно попотеть от волнения, он медленно повернулся:

— Вот как? И на этих эскизах изображена накидка?

— Нет, там праздничное платье в пол, — залепетал управляющий, заметно волнуясь. — Это дела давно минувших дней... Я тогда еще в подмастерьях ходил. Эскиз рисовал мой почтенный учитель. Но уверяю вас, господин уличный посол, вы во всей столице не найдете никого, кто справится с этой вышивкой лучше нас!

Пэй Цзинсин разочарованно качнул головой:

— Слова к делу не пришьешь. Вот если бы я мог взглянуть на то самое платье...

Чэнь Гуй шумно сглотнул и, решившись, понизил голос до шепота:

— Господин Пэй, открою вам тайну: мой учитель когда-то служил придворным мастером в императорском дворце. И то платье шилось по заказу особы высочайшего полета. Я сказал все, что мог. Теперь решение за вами.

Понимая, что большего сейчас не добиться, Пэй Цзинсин благосклонно кивнул:

— Хорошо. В таком случае я буду ждать вестей, управляющий Чэнь.

Торговец даже опешил от того, как легко разрешился спор. Но радость быстро вернула ему деловую хватку:

— Прекрасно! Будьте покойны, уже через три-четыре дня мои люди доставят эскизы в вашу усадьбу. А пока скажите, к какому материалу для накидки вы склоняетесь?

— Предоставляю этот выбор вам, почтенный Чэнь. Положитесь на свой вкус. Требование у меня лишь одно: вещь должна быть достойной супруги эрла.

Чэнь Гуй расплылся в довольной улыбке, предвкушая небывалую прибыль от заказа государственной важности:

— Все исполним по высшему разряду! Я переговорю со старшей мастерицей, мы подберем лучшие отрезы и пришлем вам готовые наброски.

Стоило им переступить порог лавки и отойти на приличное расстояние, как Су Янь не выдержал и негромко рассмеялся.

Пэй Цзинсин с притворной укоризной покосился на него:

— И что тебя так развеселило?

— Прости-прости, — Су Янь примиряюще махнул рукой, пытаясь сдержать улыбку. — Просто твой управляющий Чэнь заглотил наживку вместе с крючком. До чего же легковверный человек.

— Люди гибнут за металл, а птицы — за зерно, — философски заметил Пэй Цзинсин, увлекая спутника за собой по улице. — Предложи торговцу куш посерьезнее, и он сам расскажет тебе все секреты, напроць позабыв об осторожности.

Су Янь понимающе кивнул.

— Раз эскиз принадлежит его учителю, нам стоит разыскать старика?

— Непременно, — Пэй Цзинсин прищурился на полуденное солнце, прикидывая время. — Но сперва мне нужно заскочить в управу — отметить в списках. Придется немного подождать.

Су Янь и без того чувствовал себя должником. Он не рассчитывал на чужую помощь, а Пэй Цзинсин мало того что потратил на него все утро, так еще и умудрился добыть столь ценную зацепку.

— Ничего страшного, я могу сходить один, — искренне предложил юноша.

— И ты знаешь, где искать этого мастера? — с улыбкой спросил Пэй Цзинсин.

Су Янь смутился и покачал головой. Об этом он как-то не подумал.

Этот растерянный, слегка раздосадованный вид Су Яня показался Пэй Цзинсину столь забавным, что у него едва не сорвалась рука взъерошить даосу волосы.

— Управа — дело пяти минут, — успокоил он его. — К тому же императорские гвардейцы обязаны следить за порядком на улицах Западной столицы, а не штаны в кабинетах протирать. Так что я вполне легально могу отлучиться по делам службы.

— Хочешь сказать...

Пэй Цзинсин заговорщически подмигнул ему, тоць-в-тоць как даос делал это раньше:

— Но на время нам все же придется разделиться. Смотри: Чэнь Гуй не смог показать нам эскизы сразу. Значит, у него в лавке их нет. С огромной вероятностью они хранятся у его учителя. Пока я буду в управе, поднимись вон в ту чайную, закажи чайник хорошего настоя и

присматривай за дверями Павильона. Если этот чертеж имеет прямое отношение к легендарному Одеянию, о котором толковала Сяньну, старый мастер ни за что не доверит бумагу простому слуге. Чэнь Гуя придется идти за ней самому.

Су Янь мысленно восхитился планом. Пэй Цзинсин и сам понятия не имел, где живет загадочный учитель, но решил заставить Чэнь Гуя выдать себя с поличным.

Видимо, нажива и впрямь лишила Чэнь Гуя сна и покоя. Су Янь едва успел сделать пару глотков горячего чая, как двери «Павильона Парчи и Узоров» распахнулись и управляющий поспешно направился на запад.

Су Янь бросил на стол монеты, сбежал по лестнице и скользнул в толпу. Держась поодаль — шагах в тридцати, не ближе — он бесшумной тенью следовал за торговцем. Путь их лежал в квартал Цветущего Мира, раскинувшийся на юго-восточной окраине столицы.

Укрывшись за широким стволом старого дерева, Су Янь наблюдал, как Чэнь Гуй постучал в калитку скромной усадьбы. Дверь открыл слуга. Выслушав гостя, он скрылся в глубине двора, а вернувшись спустя пару минут, коротко переговорил с управляющим. После этого он развернулся и зашагал прочь.

Никаких свертков или свитков из рук в руки они не передавали.

Силуэт уходящего торговца быстро таял в толпе. Су Янь на мгновение задумался, взвешивая за и против, и решил оставить Чэнь Гуя в покое. Обойдя дом, он нашел неприметный уголок забора и бесшумно перемахнул через ограду.

После роскошных палат князя Цзиня и обширного поместья Шангуань этот дворик показался ему совсем крошечным. Су Яню понадобилось всего пара минут, чтобы безошибочно определить покои хозяина.

«Хранятся ли заветные эскизы здесь?» — подумал Су Янь, осторожно подбираясь к окну.

Но прежде чем он успел предпринять что-либо, из-за приоткрытой створки донесся тихий, но на удивление знакомый женский голос.

— Господин Цюй, Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу — священная реликвия нашего народа. Молю вас, откройте мне, где оно сокрыто.

Ее речь лилась звонко, словно трель иволги, но резала слух непривычным, чужеземным говором. Су Янь мгновенно признал этот странный акцент: так говорила Алиса, девица в желтом платье из бродячей труппы, выступавшей на Западном рынке.

«Что она здесь забыла?»

Су Янь достал из складок рукава медное зеркальце и плавно провел ладонью над его тусклой поверхностью. Металл дрогнул, являя взору даоса происходящее внутри.

Из комнаты донесся сухой, дребезжащий смех старого мастера:

— Реликвия вашего народа? Какая глупость! Этот эскиз — моя личная работа от первого до последнего штриха, а вышивку больше полугода вручную создавали пятьдесят лучших дворцовых мастериц. С каких это пор императорский заказ стал вашей святыней?

— Вы правы, господин Цюй, — не отступала Алиса. — Одеяние скроили и расшили руки подданных Великой Чжоу. Но в узорах его скрыта карта, ведущая к священным землям моих предков. Уже тридцать лет мой народ лишился дома. Мы скитаемся по чужбине, а души усопших братьев не могут обрести покой и терпят вечные муки под ударами ледяных ветров пустоты. Умоляю вас, проявите милосердие, скажите, где Одеяние!

С этими словами девушка опустилась на колени и склонилась в глубоком поклоне, коснувшись лбом холодного пола:

— Господин Цюй, если вы укажете мне путь к реликвии, я клянусь до конца дней служить вам верой и правдой и отдать себя в ваше полное распоряжение.

— Вздор! — старик вспылil, его дряхлый голос сорвался на хрип. — Что за дешевые уловки? Ты думаешь, любая смазливая девка способна вскружить мне голову? Не забывайся! Если бы не твоя кровная связь со старой Сяньну, я бы и на порог тебя не пустил!

Девушка не подняла головы, оставаясь распростертой ниц:

— Тогда молю вас именем моей покойной тетушки Сяньну. Заклинаю вас ее памятью — помогите мне.

В комнате повисло тяжелое молчание. Лишь спустя долгое время господин Цюй со вздохом покачал головой:

— Дело не в моем нежелании. В те годы покойный император пожаловал это Одеяние ныне низложенному наследному принцу, а тот передал его Сяньну. Когда мятеж захлебнулся, принца взяли в плен, а всю его семью безжалостно истребили. Я рванул на помощь Сяньну, но опоздал... Где она спрятала Одеяние перед кончиной — одному небу известно. Не исключено, что во время погрома и конфискации имущества в резиденции принца гвардейцы вывезли Одеяние вместе с остальными сокровищами и заперли его в Императорской частной сокровищнице.

Алиса медленно поднялась. В ее темных глазах, затуманенных слезами, застыло отчаяние:

— Неужели... надежды больше нет?

— Прости, дитя, — тихо отозвался старик. — Мои возможности не безграничны.

Девушка бережно промокнула слезы рукавом, поднялась и, скрестив руки на груди, почтительно склонила голову:

— И все же я безмерно благодарна вам, господин Цюй.

— За что же? Ведь я ничем не смог тебе помочь.

— Вы подарили мне путеводную нить.

Старик испуганно подался вперед:

— Безрассудная! Неужто ты замыслила проникнуть в Императорскую частную сокровищницу?

Алиса ответила поразительно спокойным голосом:

— По вине низложенного принца мой народ лишился дома еще тридцать лет назад. Я родилась на чужбине и никогда не видела родных просторов. И если мне суждено погибнуть на пути к нашей святыне, отец и мать будут гордиться мной.

— К чему эти жертвы? — сокрушенно покачал головой старик. — Императорская частная сокровищница — не проходной двор. Туда не пробраться живой.

Но решимость чужеземки была непоколебима:

— Выход найдется всегда. Прощайте, господин Цюй.

Старик бессильно опустился на стул, словно из него разом выкачали все жизненные силы.

«И зачем все это... — бессвязно шептал он вслед уходящей гостье. — Зачем...»